

Пенской Виталий Викторович —

доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры теологии
Белгородского государственного университета,
г. Белгород

Смоленская война 1632–1634 гг.: Несостоявшийся реванш

Ключевые слова:

Россия, Речь
Посполитая,
Смоленская
война,
Романовы,
Михаил
Федорович,
патриарх
Филарет

В статье автор обращается к истории Смоленской войны 1632–1634 гг. — единственной большой войне, которую довелось вести первому царю династии Романовых — Михаилу Федоровичу. Центральным событием этой войны стала борьба за Смоленск.

ГП © Рябушкин А.П.

Сидение царя Михаила Федоровича с боярами в его государевой комнате. Худ. Рябушкин А.П. 1893.
Государственная Третьяковская галерея

В ненаписанной до сих пор истории 200-летней войны между Россией и Литвой (с 1569 г. — Речь Посполитая) борьба за Смоленск неизбежно должна занять едва ли не заглавное место. Смоленск по праву именуют «воротами Москвы», но с 1404 г., когда он перешел под власть великого князя литовского Витовта, он точно также по праву мог считаться и воротами Вильно, столицы Литвы. Понятно, что обе стороны, и русская, и литовская, придавали этому городу, занимавшему столь важное стратегическое положение, огромное значение. И московские послы весной 1504 г. в ходе переговоров о заключении «Вечного мира» считали, что прочному миру между двумя государствами не быть до тех пор, пока под властью литовских князей будут оставаться «...вся Русская земля, Киев, и Смоленск, и иные города...», и литовские точно также заявляли в марте 1559 г., что «без отданья Смоленска никак миру вечного не делывати» [18, с. 460; 19, с. 576]. И после 1514 г., когда Смоленск капитулировал перед войсками Василия III, а попытка вернуть город, предпринятая литовскими войсками сразу после того, как полки московского государя потерпели чувствительную неудачу под Оршей, в Вильно не оставляли идеи вернуть Смоленск обратно.

Ждать этого пришлось долго. Миновала Стародубская война, прошла война 1561–1572 гг., закончилась Баториева война 1579–1582 гг. — и ни в одной из них литовцам и полякам не удалось взять реванш за 1514 г. В Москве же, понимая прекрасно, что западный сосед не намерен отказываться от претензий на Смоленск, уделяли немало внимания совершенствованию обороны города. В 1595 г. началось строительство новой мощной крепости в Смоленске, возведение которой потребовало огромных затрат и усилий и было завершено спустя 7 лет, в 1602 г. Засевшие в ней гарнизон и смоляне под началом воеводы М.Б. Шеина почти два года, с 1609 по 1611 гг., сдерживали королевское войско под началом самого короля Речи Посполитой Сигизмунда III, не пропуская его к Москве. Но сила и солому ломит, и, не получив поддержки из Москвы, где боярские кланы ожесточенно сражались за власть, Смоленск в июне 1611 г. пал. Попытки правительства нового царя Михаила Фе-

доровича Романова, избранного в 1613 г. Земским собором, вернуть город, предпринятые уже летом того же года, успеха не имели. Сбылось легендарное предсказание князя Ф.М. Трубецкого, который в ответ на слова Бориса Годунова о том, что новая Смоленская крепость станет «всем городам ожерелье», сказал — «как в том ожерелье заведутся вши, и их будет и не выжить». И в Москве, подписывая в конце 1618 г. Деулинское перемирие сроком на 14,5 лет, еще и не предполагали, что «выжить вшей» из «ожерелья» получится только в 1654 г., при сыне Михаила Алексее. Но будущее было скрыто за пеленой времени, а пока, заключив перемирие, теперь уже в русской столице стали вынашивать планы возвращения Смоленска.

Конечно, новое правительство прекрасно понимало, то истощенная и разоренная многолетними неурядицами страна сама по себе, в одиночку, неспособна на равных сражаться с Речью Посполитой. Но у последней были враги, и они могли стать союзниками Москвы в борьбе за пересмотр результатов Смуты на западном направлении. Долго ждать предложений не пришлось. Уже в 1619 г. шведский король Густав I Адольф предложил правительству Михаила Федоровича заключить антипольский союз, а в следующем году началась война между Речью Посполитой и Османской империей. Возобновились и военные действия между шведами и поляками в Прибалтике. Внешнеполитическая ситуация для России складывалась как будто благоприятно. Вернувшийся из польского плена патриарх Филарет, отец Михаила Федоровича, человек властный и волевой, созвал осенью 1621 г. в Москве Земский собор [25, с. 236–238]. Собравшимся было зачитано обращение царя и патриарха, в котором содержался вопрос — стоит ли начинать, поскольку сложились благоприятные условия, войну с Польшей или же нет. Духовные лица, служилые люди и гости — все высказались за войну, но при этом служилые люди были челом государю о необходимости их «разобрать», определив, кто может нести государеву службу «конно, людно и оружно», а кто — нет [3, с. 27].

Результаты смотра буквально ошеломили руководство Разрядного приказа, отвечавшего за подготовку страны к войне, и Боярскую Думу — по существу,

воевать было некому и нечем [7, с. 82–91]. В Москве окончательно убедились, что жалобы детей боярских на «всеконечное разоренье» — печальная реальность, а не их злостный умысел и «воровство» в расчете избежать тягостной государевой службы. Не оправдались надежды и на союзников — турки вышли из войны, поведение шведов было двусмысленным, расчет на заключенные договоры с датчанами и англичанами также не оправдался [10, с. 224]. Поразмыслив, в Москве решили за благо отложить планы реванша до лучших времен. Раны, нанесенные Смутой, еще не затянулись, да и воевать с поляками было пока боязно. Однако, как писал отечественный историк В.Н. Козляков, чтобы не предпринимали в Москве в 20-х гг. XVII в., так или иначе практически все шаги что во внутренней, что во внешней политике имели одну конечную цель — создать все необходимые условия для войны с Речью Посполитой за возвращение Смоленска [12, с. 183].

И вот, не прошло и 10 лет, как, казалось, эти условия стали приобретать зримые очертания. В Европе бушевала Тридцатилетняя война, и в этой войне Россия заняла откровенно про-протестантскую позицию [21, с. 190, 191], поддерживая противников Габсбургов (пока только хлебом). Симпатии Москвы не остались незамеченными, и с конца 1620-х гг. вокруг нее завязывается клубок дипломатических интриг, имевших своей целью втянуть Русское государство в войну. В русскую столицу зачастили иностранные эмиссары с выгодными предложениями. Но Михаил Федорович, бояре и патриарх Филарет не торопились. Обнадеживая одних посланцев, давая вежливый отказ другим (но не перекрывая полностью перспективу продолжения контактов), продолжая негласно субсидировать Швецию (игрой на ценах накупаемый хлеб), Москва без ненужного шума и огласки начала готовиться к вступлению в войну.

Эта подготовка велась сразу по нескольким направлениям. Прежде всего в 1630–1631 гг. был проведен новый «разбор» служилых людей (и цель его в выданных посланным на места для разбору людям определялась недвусмысленно — взять реванш над поляками). Итогом этого мероприятия стала первая сохранившаяся смета

ратных людей Русского государства, составленная в 1632 г. Согласно ее данным, на то время Михаил и Филарет имели в своем распоряжении 98 596 служилых людей «всякого чину», в т.ч. 24 714 дворян и детей боярских (без учета их послужильцев), 33 775 стрельцов (московских и городских), 11 471 казак, иностранцев, черкас, литвы, татар, новокрещенов и инородцев 20 227, а также 4244 служилых чел., числившихся по Пушкарскому приказу [24, с. 5, 6]. Правда, в лучшем случае из этого войска в поле можно было выставить до 50 тыс. чел., но при этом нужно было немалую их часть оставить на южной границе. Имея же 30–40 тыс. пеших и конных людей, ввязываться в войну с Речью Посполитой, достигшей в те годы, как казалось вершины своего расцвета, было неразумно. И Филарет, политик трезвомыслящий и неординарный, пошел на неожиданный шаг. Не хватает войска — значит, надо

его завести, и в Москве вспомнили об успешном опыте заведения пеших полков на иноземный образец времен Смуты. В апреле 1630 г. в Кострому, Ярославль, Углич, Новгород и ряд других городов были отправлены грамоты тамошним воеводам с требованием обеспечить набор оскудевших боярских детей, которые не могли нести полковую службу и в случае войны с Речью Посполитой или татарами оказывались не у дел, в два солдатских полка. «А быти им [новонабранным солдатам. — В. П.] в ратном ученье на Москве у двух немецких полковников у Александра Лесли да у Франца Пецнера, — писалось в грамотах, — с московскими немцы, по тысяче человек у полковника» [1, с. 300].

Правда, набор детей боярских в пешие полки шел на первых порах довольно туго, и Филарет решил нанять иностранных наемников. Сама идея приглашения на русскую службу наемного корпуса

в несколько тысяч человек появилась еще в 1629 г., когда эльбингский чиновник А.К. фон Клицин обратился к Михаилу Федоровичу с предложением набрать в Германии 3 тыс. пехотинцев и 1 тыс. кавалеристов [24, с. 69]. Задержки с набором своих добровольцев ускорили принятие соответствующего решения, и когда в конце 1630 г. с такой идеей к московским властям обратился служилый иноземец шотландец А. Лесли, его предложение было утверждено 30 декабря 1630 г. [23, с. 306–310].

В начале февраля 1631 г. Лесли отправился в Европу с поручением набрать 5 тыс. наемников, а также артиллерийских мастеров. Для того, чтобы способствовать его работе, Посольский приказ направил соответствующие грамоты королям Британии, Швеции и Дании, а также голландскому правительству. Шотландцу, а также направленным одновременно с ним за границу стольнику Племянникову и подья-

Приезд воеводы. Худ. Иванов С.В.

чему Аристову было наказано также осуществить массовую закупку оружия, холодного и огнестрельного, а также доспехов, для солдат новых полков. Кроме того, им предписывалось приискать на русскую службу опытных мастеров-оружейников, прежде всего литейщиков, умеющих отливать пушки и ядра, лафетчиков и колесников [23, с. 316–322; 24, с. 164, 165].

Одновременно с Лесли в Северную Германию отправился другой служилый иноземец, голштинец полуполковник Г. фон Дама, которому было поручено набрать полк в 1600 солдат и закупить для него оружие на месте. Любопытно, что в контракте, заключенном с фон Дамом, подробнейшим образом расписывались обязанности обеих сторон и особенности структуры и вооружения нанимаемого им полка [23, с. 311].

О значении, которое придавалось в Москве миссии Лесли и Племянникова, говорит, к примеру, размер тех денежных сумм, которые они получили — помимо наличных, Лесли и Племянников получили векселей на 110 тыс. ефимков и разрешение сделать в Голландии займы на необходимые суммы [9, с. 360].

И дело завертелось. Уже весной 1632 г. в Россию начали поступать первые партии оружия, заказанных Лесли, Племянниковым и другими русскими представителями. Один только Лесли закупил в Голландии 1000 комплектов солдатских лат, 1000 мушкетов со всем необходимым снаряжением, 300 мушкетов с колесцовыми замками, 1000 пехотных пик, 1500 шпаг. Большие партии оружия и материалов были заказаны русскими представителями и у других иностранных купцов и фабрикантов. Так, в июле 1631 г. известный в то время голландский оружейный фабрикант Трик получил заказ на изготовление 5000 мушкетов в комплекте, 200 офицерских протазанов, 400 унтер-офицерских алебард, 200 пистолетов, другой голландец, П. де Виллем изготовил по русскому заказу 6,5 тыс. мушкетных стволов. Англичанин И. Картрайт в 1631 г. ввез в Россию 1000 мушкетов, 1000 мушкетных замков, 600 пар пистолетов, 400 пар пистолетных стволов, 200 шпаг. Другой англичанин, И. Капер продал русским 5000 шпаг в комплекте. В Нарве в 1632 г. было куплено 7200 мушкетов и карабинов. И это не считая ввоза в Россию тысяч пудов

железа, меди и свинца (так, в январе 1632 г. со шведским купцом И. Беманом была достигнута договоренность о поставке в Россию 1600 пудов меди, а дьяк Устюжской чети М. Смывалов договорился с голландскими купцами о поставках в Россию в 1631–1632 гг. 30 000 пудов шведского железа на общую сумму 15 750 руб.)! [24, с. 184, 185]

Параллельно с поставками оружия, снаряжения и необходимых для ведения войны материалов шла неустанная работа по созданию и обучению новых полков — иностранных и русских. Правда, результаты работы миссии Лесли и фон Дама, несмотря на дипломатическую поддержку и благожелательное отношение к его усилиям со стороны шведов и датчан, нельзя назвать совсем уж успешной. В Европе шла Тридцатилетняя война, и спрос на обученных солдат в Европе был высок. Поэтому желающих послужить царю варварской и дикой Московии оказалось немного. Забегая вперед, отметим, что в 4-х наемных полках, полковников А. Лесли, Я. фон Хареслебена, Г. Фукса и Т. Сандерсона, выступивших в составе армии боярина М.Б. Шеина и окольничего А.В. Измайлова на Смоленск в конце лета 1632 г., было всего лишь 3838 солдат-«немцев», вместо планировавшихся первоначально 5 тыс. [24, с. 120; 26, с. 136]. И нет сомнения, что, убедившись в невозможности укомплектовать сколько-нибудь значительный корпус пехоты иностранными наемниками в обозримые сроки, в Москве форсировали создание укомплектованных русскими служилыми людьми полков, обученных по голландскому образцу. В начале весны 1632 г. началось формирование еще 2-х русских полков — полковников Т. Унзина и В. Ростформа, а в апреле — еще 2-х, полковников Я. Вильсона (смененного вскоре Ю. Матейсоном) и У. Кита (и снова, забегая вперед, — в ходе уже начавшейся войны было начато формирование следующих 2-х солдатских полков полковников, А. Кроуфорда и П. Кинемонта).

Помимо пехотных, по предложению приглашенного Лесли французского подполковника Ш. д'Эберта (Делиберта) в июне 1632 г. началось формирование первого настоящего кавалерийского полка в русской армии — рейтарского, а в следующем — драгунского полковника А. Гордона, представлявшего собой посаженную на конь

пехоту. Рейтарский полк к декабрю 1632 г. имел в строю 1721 чел., драгунский полк насчитывал в январе 1634 г. 1576 чел. [24, с. 135].

Таким образом, основу новой русской армии составили 4 «немецких» и 8 русских солдатских полков общей численностью примерно 18,5 тыс. солдат и командиров. Драгуны и рейтары составили еще немногим более 3 тыс. чел. Всего же русская армия «новой модели» насчитывала около 22 тыс. солдат и командиров. Для нее были характерны все основные черты регулярной армии Нового времени: полное государственное обеспечение всем необходимым от жалованья и «корма» до оружия и амуниции; более или менее регулярное обучение тактическим приемам; относительно единое образное стандартизированное вооружение, амуниция и доспехи; четкая организационная структура.

Закупки оружия и материалов, формирование и обучение солдатских полков — вся эта деятельность шла на фоне продолжавшихся дипломатических усилий московских дипломатов по сколачиванию антипольской коалиции. Весной 1632 г. Густав Адольф, король Швеции, зная о том, что в Москве начали готовиться к войне, через своего московского резидента И. Меллера известил русское правительство о том, что он намерен возобновить войну с Речью Посполитой и предложил заключить союз против общего неприятеля [10, с. 231]. Предложение выглядело соблазнительным, тем более что к осени того же года стало очевидным — Турция не сможет стать русским союзником в борьбе с Речью Посполитой. После долгих совещаний Михаил Федорович и Филарета с боярами решение было принято и в январе 1632 г. в Стокгольме был отправлен положительный ответ. А тут еще из Польши пришла весть — в апреле 1632 г. умер Сигизмунд III и там началось очередное «бескорольевье», момент, что и говорит весьма и весьма удобный для того, чтобы начать войну. В Москве решили не дожидаться, пока истечет срок Деулинского перемирия.

Желание отомстить было настолько горячим, что Филарета (а его, судя по всему, и надо полагать главным мотором Смоленской войны с русской стороны) не остановило даже отсутствие союза со Швецией и четких договоренностей о совместных действиях (переговоры между Мо-

своей и Стокгольмом затянулись, а после смерти Густава Адольфа в ноябре 1632 г. и вовсе замерли). В конце марта — начале апреля 1632 г. Михаил Федорович и его отец дали несколько торжественных обедов-«столов», на котором присутствовали будущие воеводы Смоленской войны — князя Д.М. Черкасский, Д.М. Пожарский, боярин М.Б. Шеин, окольничий А.В. Измайлов [8, стб. 266–268]. Спустя несколько дней были объявлены и воеводы, которые должны были командовать войсками в намеченном походе — Михаил Федорович и Филарет «указали быть на своей государеве службе против литовских людей, бояром и воеводам: князь Дмитрию Мамстрюковичю Черкасскому, князь Борису Михайловичю Лыкову, да столнику князь Федору князь Андрееву сыну Елецкому» [8, стб. 268].

Увы, назначение оказалось неудачным. Б.М. Лыков бил челом на Д.М. Черкасского о невозможности служить под его началом — у князя Черкасского «обычай тяжел», да и он, Лыков, стар уже, служит государю 40 лет, и тридцать лет «ходит своим набатом, а не за чужим набатом и не в товарищах». Местнический спор удалось разрешить лишь к концу мая, но по ходу дела оба воеводы были заменены 23 апреля на М.Б. Шеина и Д.М. Пожарского (последний сказался больным, и, в свою очередь, был замещен на А.В. Измайлова) [8, стб. 272, 276. См. также: 6, с. 291, 292]. Неопределенность с воеводами, иностранные наемники все еще не подтянулись, формирование русских полков все никак не завершалось, в Разрядном приказе дьяки и подьячие все никак не могли приступить к рассылке по городам грамот тамошним воеводам (а началась она только во 2-й половине июня) — а драгоценное время тем временем шло, дороги подсохли, пора выступать, пока полки не опомнились, а поход все не начинался. Увы, долгая мирная передышка (почти полтора десятилетия) не самым лучшим образом сказалась на способности Москвы организовывать масштабные военные кампании. По большому счету, именно тогда в последние недели весны и первые — лета 1632 г., закладывался фундамент будущего поражения под Смоленском — главного, центрального события этой войны.

Но тогда, летом 1632 г., об этом не знали еще ни Михаил, ни Фи-

ларет, ни бояре. Медленно, очень медленно, со скрежетом, но проворачивались колеса заржавевшей от долгого бездействия московской военной машины, постепенно набирая обороты. К концу июля наконец-то определились и с воеводами, и со временем сбора (к 1 августа), и с местами, куда должны были съезжаться дети боярские, казаки, идти стрельцы и солдаты, свозиться артиллерия и припасы (Можайск, Ржев, Калуга, Севск) [8, стб. 285, 286; 15, с. 400, 401; 22, с. 369]. 9 августа 1632 г. в «церкви Благовещения пречистые Богородицы» у царской руки «на отпуске» собрались М.Б. Шеин «со товарищи». Отстояв молебен и выслушав последние напутствия, воеводы отправились к месту сбора войск, имея на руках царский и патриарший наказ «над городами, которые ныне за Литвою, а отданы были на время, а наперед того были Московского государства, промышлять, и те города... очищать к Московскому государству по прежнему» [11, стб. 380].

План, разработанный в недрах Разрядного приказа, предусматривал следующее. Более чем 30-тыс. армия была разделена на несколько отрядов, каждый из которых получил свою задачу. Большой полк списочной численностью 21,5 тыс. чел. (в т.ч. 9 тыс. чел. в солдатских полках и 1,5 тыс. стрельцов), во главе которого стояли боярин М.Б. Шеин, герой обороны Смоленска в 1609–1611 гг. и окольничий А.В. Измайлов, должен был, выступив из Можайска, идти к Вязьме. Оттуда воеводам предписывалось наступать на Дорогобуж, и, взяв город как можно быстрее, устроить там тыловую базу. Обустроив же Дорогобуж и оставив там небольшой гарнизон. Шеин и Измайлов с главными силами Большого полка, по замыслу дьяков разрядного приказа, наступали непосредственно на Смоленск, имея конечной целью похода его обложение и последующее взятие. Следом за Шеиным и Измайловым к Дорогобужу, а потом и к Смоленску выдвигался и «наряд», артиллерия, начало над которой было поручено И.Н. Арбузову и дьяку И. Костюрину (и было в том наряде 154 орудия — от тяжелых осадных пушек, гаубиц и мортир до легких полковых пушек [24, с. 174]). И еще обоз, колоссальный обоз из сотен телег (только на солдатские полки Шеина требовалось по росписи без малого 1,5 тыс. повозок), на

которых, помимо пороха, ядер и свинца для литья пуль, нужно было везти вслед за полками провиант, фураж, «...кожи барабанные, и копейца железные, и фетили, и лопаты, и заступы, и кирки...» и прочее имущество [2, с. 292].

Пока Шеин и Измайлов возились бы с Дорогобужем и маршировали на Смоленск, Передовой полк воевод окольничего князя С.В. Прозоровского и князя М.В. Белосельского, собравшись с силами (почти 5 тыс. ратников) во Ржеве, должен был брать крепость Белую, а уже оттуда наступать на Дорогобуж или сразу же на Смоленск (по обстоятельствам), на соединение с Большим полком. Еще один полк, Сторожевой, под началом стольника Б.М. Нагого (почти 2 тыс. бойцов), получил наказ взять Серпейск и Рославль, а потом также выдвигаться к Смоленску на помощь Шеину. Наконец, на Северщину отправился отдельный полк под началом Ф.К. Плещеева-Смердова и Б.Ф. Болтина (2,5 тыс. чел.), имевший своей целью Новгород-Северский [15, с. 401, 402]. По мнению отечественного исследователя Д.Н. Меньшикова, в Разрядном приказе замыслили «своего рода "блицкриг"». Смоленск предполагалось обложить уже в сентябре 1632 г., чтобы достичь главной цели войны еще до окончания в Польше предвыборной кампании», ну и параллельно решить ряд тактических вопросов — например, лишить гарнизон Смоленска и других пограничных крепостей запасов провианта и фуража, тогда как русские полки, напротив, получают возможность беспрепятственно воспользоваться возможностью снять созревший к их подходу урожай [15, с. 401].

Однако гладко было на бумаге, да забыли про овраги. Все-таки, похоже, что долгая мирная (относительная, конечно, ибо на южных рубежах противостояние с крымцами не прекращалось, и определенную роль в задержке со сбором войск летом 1632 г. активизация татар на южной границе все-таки сыграла [16, с. 195, 196]) пауза сказалась не лучшим образом на способности Разрядного приказа организовать сбор войска, а самих ратных людей — быстро собраться в местах сбора. А тут еще возобновившиеся местнические споры. Одним словом, драгоценное время расходовалось впустую, шли последние погожие летние дни, а поход все никак не начинался.

Только 10 сентября 1632 г. в Москве сочли, что пора бы и закончить сосредоточение и надо бы выступить. В Можайск полетел гонец с соответствующим приказом, и 12 сентября армия Шеина двинулась вперед, а вслед за ней пришли в движение полки Прозоровского и Нагого. И вот тут немедленно стали сказываться плоды промедления. Начались дожди, дороги раскисли и окончательно превратились в направления («дорогою грязи великия», «а где мосты были по дороге мощены, и те мосты водою поносило»). Марш к Дорогобужу превратился в подлинное мучение. 180 с небольшим верст, отделявших Можайск от Вязьмы, войско Шеина преодолеvalo 2 недели, еще месяц ушел на марш к Дорогобужу, который был взят 18 октября 1632 г. высланным вперед отрядом головы Ф. Сухотина [1, с. 396, 397; 8, стб. 298]. Обозы и артиллерия безнадежно увязли, начался падеж лошадей, «пешим людем для великих грязей

в походе большая нужда», подвоз провианта и фуража практически прекратился. Одним словом, стремительного броска к Смоленску не получилось, месячная задержка с выступлением влилась в конечном итоге в почти четырехмесячную паузу. Лишь 5 декабря армия Шеина, дождавшись, наконец, пока подмерзнут дороги, выступила из Дорогобужа к Смоленску [1, с. 397, 398; 8, стб. 305]. Спустя несколько дней она вышла к городу. Началась смоленская эпопея.

Промедление с мобилизацией и выступлением войск дорого стоила русским воеводам. Мало того, что сам по себе марш, проходивший в чрезвычайно трудных условиях, распутица, нехватка провианта и фуража способствовали росту болезней, дезертирству в войсках, но упал моральный дух солдат, стрельцов, казаков, детей боярских и посошных людей. Так, Шеин и Измайлов отписывал в Москву, что «к нам даточные посошные люди разных городов приходят и бьют

челом тебе, государь, безпрестани, на которые де месяцы они наймовались, и тем де месяцем срок отшел; и ныне де они, будучи на твоей государеве службе, нужны и голодны, и лошади кормить и сами есть нечего и у многих де лошади попадали... И от голоду и от бедности даточные люди хотят брести розно» [1, с. 399]. Нет, гораздо хуже было то, что поляки сумели воспользоваться предоставленной им возможностью и основательно подготовиться к грядущей осаде. Смоленский воевода Александр Корвин Госевский и литовский великий гетман Лев Сапега смогли собрать в Смоленске около 2 тыс. пехоты и конницы, как наемных, так и местного посполитого рушения, на стенах и башнях города стояли около 150 разнокалиберных пушек [27, с. 90–92]. Удалось полякам пополнить запасы провианта и фуража (правда, пороха и свинца в смоленском арсенале было немного), а фактический комендант Смоленска поручик королевской

Стрельцы. Худ. Иванов С.В.

гусарской хоругви Самуил Соколинский более или менее привел укрепления города в порядок. Одним словом, с налету взять крепость в декабре 1632 г. было уже невозможно, и пришлось Шеину и его начальным людям приступить к правильной осаде города. Это было крайне неприятное известие. Даже сообщения-сеунчи от воевод об успешных набегах в польские пределы, взятии целого ряда пограничных городков и разбитии несколько польских отрядов (осенью и в начале зимы 1632 г. были взяты Кричев, Серпейск, Белая, Рославль, Трубчевск, Стародуб, Почеп, Новгород-Северский, Невель, Себег, само собой Дорогобуж и ряд других городков — всего осенью-зимой 1632–1633 гг., по подсчетам польского историка Д. Купиша, русскими было взято с ходу или после непродолжительной блокады 24 городка и «замка» [27, с. 95]), не мог скрыть крайне неприятный факт — война, вопреки всем расчетам, затягивалась, и эта затяжка играла на руку полякам, но не русским.

Однако рвать волосы на голове было уже поздно, машина войны была запущена. В ожидании, пока к Смоленску подтянется тяжелая осадная артиллерия, «великий наряд», ратные люди приступили к обустройству в окрестностях осажденного города, окружая его цепочкой укрепленных лагерей и острожков, «осадив со всех сторон, поделав сильные блокгаузы, острожки, рвы, перекопы, шанцы и проч.» [17, стб. 721, 722]. Правда, как позднее отписывал в Москву князь Прозоровский, Шеин не слишком усердствовал в этом, и полная блокада города до весны 1633 г. так и не была установлена. В итоге сперва 21 февраля 1633 г., по словам воеводы, в город сумели прорваться 500 чел., а 17 марта — еще 400 пехотинцев, «литовских и неметцких людей», с порохом [20, с. 126, 127]. Не сразу был уничтожен и мост через Днепр, связывавший Смоленск с правым берегом Днепра и не занятая войсками Покровская гора на этом берегу. И снова Прозоровский жаловался государю, что он де «говорил многжды вашему государеву боярину Михайлу Борисовичу, чтоб над мостом промыслу учинить, сломать или эжечь, для государя, тово, чтоб литовским людям через реку в город и из города проходу не было. И ваш государев боярин мосту

розломать или эжечь не посыловал» [20, с. 126].

Но, самое главное, Шеин отказался от попытки атаковать слабое войско литовского гетмана К. Радзивилла, который стоял в селе Красном неподалеку от Смоленска и от главного русского лагеря. К концу января 1633 г. у гетмана было по спискам 2,5 тыс. конницы и 2 тыс. пехоты, а после двукратной успешной посылки подкреплений в осажденный город — и того меньше. Однако Шеин так и не решился попробовать разгромить гетмана, и это при том, что и в царском наказе было четко прописано требование разбить гетманскую армию, буде она окажется в пределах досягаемости, и немногочисленность сил гетмана ему была известна, и воеводы требовали атаковать врага, «покамест он нам в силу» [20, с. 125, 126]. Д.Н. Меньшиков полагает, что пассивность «большого» воеводы была связана с присущим большинству русских воевод XVI–XVII вв. нежеланием ставить все на карту генерального сражения, взамен которого они предпочитали истощать неприятеля «малой» войной, а эта «малая» война, набеги и рейды с обеих сторон не прекращались на протяжении всей зимы 1632/1633 и весны 1633 гг. [14, с. 108]. В этом есть свой резон, однако реальная возможность стеснить неприятеля и усложнить действия деблокирующей армии Шеиным была упущена.

Возможно, отказываясь рисковать, Шеин рассчитывал на то, что Смоленск удастся «дожать» до того, как его гарнизон получит подкрепления, а объединенное коронное (польское) и литовское войско под командованием избранного на волне патриотического подъема нового короля Речи Посполитой Владислава IV подступят к городу и атакует русские полки в расчете заставить их снять осаду? Похоже, что дела обстояли именно так. Во всяком случае, вскоре после прибытия под Смоленск, «в полночь на Рождество Христово» предприняли попытку атаковать городские укрепления со стороны «Сарлового шанца», но потерпели неудачу [17, стб. 722, 723]. Новые попытки приступа были предприняты позднее, весной 1633 г., когда, наконец, в лагерь осаждающих прибыл (5 марта 1633 г.) «большой» наряд.

Потребовалось полторы недели, прежде чем доставленная артиллерия была установлена на

позиции и смогла приступить 17 марта 1633 г. к своей разрушительной работе. А в том, что она была такой, сомневаться не приходится — перечень тяжелых орудий, установленных на шанцах, впечатляет. Это 7 «верховых» пушек, т.е. мортир, метавших бомбы весом от 2 до 6 пудов, стрелявшая почти 2-пудовыми ядрами пищаль «Единорог», пищаль «Пасынок», ядра которой весили пуд и 15 фунтов, «Волк» с пудовыми ядрами, и др. [2, с. 378, 379]. Спустя несколько дней после начала канонады русские пушкарки «разбили три башни и Эрнестову круглую башню, первую от Зеленской, у которой свалилась крыша, сожгли» [17, стб. 725]. Однако запасы пороха скоро иссякли, и обстрел крепости пришлось прекратить. 4 апреля канонада возобновилась и длилась почти неделю, принесла новые разрушения. Одновременно под стены Смоленска велась мина.

Шеин торопился — время играло на руку полякам, Владислав собирал войско, и каждый день был на счету. Однако проблемы со снабжением, весна и распутица, «воды и грязи великия», не позволяли поддерживать непрерывный огонь [1, с. 483, 487, 488], а защитники Смоленска, пользуясь паузами между обстрелами, денно и нощно работали над заделыванием брешей. К тому же и выбор позиций для артиллерии был не слишком удачен, поскольку на выбранном участке за крепостной стеной и башнями находился старый земляной вал, разбить который было чрезвычайно сложно. В итоге два штурма, 26 мая и 10 июня 1633 г., несмотря на все предпринятые усилия, в т.ч. и подрыв подведенной мины (для чего потребовалось 250 пудов пороха), успеха не имели. Польский гарнизон сумел отразить атаки и выстоял, дождался подмоги. Сперва крайне неприятные вести начали поступать с юга — крымские татары внезапно объявились на южной границе, где осталось мало войск, и начали нападать на тамошние городки, села и деревни. Отдельные татарские загоны даже сумели «перелезть» через Оку и пробрались в пределы собственно Московского уезда. Естественно, что в этих условиях Москве было уже не до организации помощи Шеину, застрявшему под Смоленском, надо было думать над тем, где найти людей для отражения татарского набега. И сам Шеин очень скоро почувство-

вал последствия этого вторжения, ибо многие дети боярские начали самовольно отъезжать из лагеря под Смоленском, направляясь в родные места. И канцлер Велико-го княжества Литовского А. Радзивилл имел все основания сказать: «Не спорю, не спорю, как это по богословски, хорошо ли поганцев напускать на христиан, но по земной политике вышло это очень хорошо» [Цит. по: 12, с. 211].

Помимо общего осложнения обстановки, потери во время штурмов и осадных работ, стычек с неприятелем вокруг Смоленска, от болезней и дезертирства (особенно усилившегося в конце лета 1633 г. [1, с. 516]), при малочисленности подкреплений из Москвы (самой крупной посылкой стало прибытие летом 1633 г. рейтарского полка д'Эберта и солдатских Матейсона и Кита) привели к тому, что численность войска Шеина существенно сократилась. К концу августа 1633 г. в его распоряжении находилось около 20 тыс. ратных людей, в т.ч. примерно 8,5 тыс. конницы [13, с. 14]. С такими силами, при том, что боевой дух войск, в особенности конницы, упал, штурмовать Смоленск было крайне рискованно, тем более, что гетман Радзивилл и его правая рука А. Госевский, получив подкрепления и известия, что король Владислав IV движется к нему на помощь, осмелели. В конце июля-августе 1633 г. польское войско предприняло несколько атак на лагерь Прозоровского к западу от Смоленска, пытаясь прорваться к осажденным. И хотя эти атаки, сопровождавшиеся вы-

лазками со стороны смоленского гарнизона, были отражены [14, с. 110–114], тем не менее, к концу августа 1633 г. стало очевидно — время упущено. Теперь надо думать не о том, как взять Смоленск, а как не позволить свежим неприятельским силам во главе с самим королем деблокировать крепость и самим устоять, дождавшись под-хода подкреплений.

Избранный в конце 1632 г. королем Речи Посполитой Владислав IV энергично принялся за формирование армии, с которой он намеревался лично выступить в поход на деблокаду Смоленска, и, чем черт не шутит, а вдруг удастся все-таки реализовать давнюю мечту — сесть на московский престол. Королевский план предусматривал набор 24-тыс. войска (реально, с учетом так называемых «слепых почтов», т.е. дополнительных вы- плат ротмистрам и их помощникам — около 21,5 тыс.), в т.ч. 24 хоругвей гусар, 27 козацких хоругвей, 10 рот рейтар, 7 пятигорских хоругвей (легкая конница), 7 региментов-полков драгун, 10 региментов и 5 рот немецкой и 11 рот польской пехоты [27, с. 128, 129]. Вечная проблема польских королей и великих князей литовских — отсутствие в казне необходимых средств, сильно затормозила набор войск. Владиславу даже пришлось продать отцовскую корону, чтобы изыскать деньги для набора солдат, закупок оружия и снаряжения, а также отправки денег на содержание гарнизона в Смоленске. Все это привело к тому, что король, пре- красно понимая, насколько опасно

дальнейшее промедление, решил выступить, не дожидаясь, когда завершатся все приготовления. 7 августа 1633 г. он прибыл в Оршу, 20 августа Владислав был уже в Красном, а оттуда со своими войсками двинулся к Смоленску. 2 сентября (н.ст.) «наконец-то наши осажденные, благодаря Бога, увидели со смоленских стен короля, стоящего с войском в Глушице». Вместе с уже стоявшими здесь войсками Радзивилла и Госевского под началом короля собралось до 20 тыс. пехоты и конницы при нескольких полевых орудиях (тяжелая артиллерия запаздывала) [17, стб. 730; 27, с. 141].

Не дожидаясь, пока к нему дойдут оставшие роты и хоругви, а также запорожские козаки (с их приходом король получал более чем полоторное превосходство над войсками Шеина), Владислав решил начинать деблокаду Смоленска. Ему было известно, что защитники города держатся из последних сил, и вот-вот готовы сложить оружие от изнеможения. Точкой приложения своих усилий Владислав избрал Покровскую гору на правом берегу Днепра, где в острожке засел полковник Маттисон со своими солдатами. Овладение горой и русскими позициями позволяло установить прямую связь со Смоленском, наладить доставку туда провианта, пороха и свинца, а также сменить гарнизон свежими людьми. 28 августа 1634 г. королевские войска атаковали позиции Маттисона, и пока полковник со своими людьми мужественно отбивал атаки не-

Король Владислав IV спешит на помощь Смоленску в 1634 г. Худ. Коссак Ю.

приятеля сразу с нескольких сторон, полковник Денгофф со своим полком (5 рот, около 1,2 тыс. чел) и большим обозом пробился вдоль самого берега Днепра к мосту и вошел в Смоленск. Одновременно часть польских сил атаковала лагерь Прозоровского, не давая ему возможности оказать помощь Маттисону. Ожесточенный бой затих лишь к вечеру, обе стороны понесли серьезные потери, Маттисон сумел удержать свой острожек на Покровской горе, но и Владислав, пусть и дорогой ценой, но провел в город помощь.

Сражение 28 августа 1633 г. стало переломным в ходе Смоленской войны и ознаменовало начало нового ее этапа. С этого момента инициатива окончательно перешла в руки поляков, а Шеин ушел в глухую оборону, уже не рассчитывая взять Смоленск имеющимися в его распоряжении силами. Владислав же, подтянув артиллерию, дождавшись подхода отставших и запорожцев, начал теснить русских. 11 сентября, спустя 4 дня после того, как прибыли запорожцы под началом гетмана Т. Арандаренко, Владислав предпринял еще одну атаку Покровской горы. Попытка Шеина оказать помощь мужественному полковнику успеха не имела, равно как и Прозоровского — переправить часть своих людей на правый берег Днепра. Маттисон сумел продержаться до вечера, а потом, практически полностью окруженный, ночью покинул свои шанцы на горе и отступил на запад, разбив новый лагерь на правом берегу Днепра напротив лагеря Шеина. Смоленск был полностью деблокирован, и Владислав 14 сентября переправился по так и оставшемуся неразрушенным мосту через Днепр в Смоленск, «принял ключи города от смоленского воеводы и воспел в храме отцов иезуитов: "Тебе Бога хвалим", совершив перед тем у отцов доминиканцев моление к пресвятой Деве» [17, стб. 735]. Затем он вернулся обратно и перенес свою ставку и главный лагерь на Покровской горе. Следующей своей целью он выбрал лагерь Прозоровского, у которого к тому времени не осталось и 5 тыс. бойцов [13, с. 15], намереваясь разгромить русских по частям, пользуясь пассивностью Шеина.

Новое наступление поляков началось утром 18 сентября 1633 г. В ночь на 18 сентября Владислав перевел по мосту часть своих сил

(около 5 тыс. пехоты и конницы) в Смоленск, поставив перед ними задачу рано утром атаковать позиции фон Дама со стороны города. Одновременно с этим запорожцы должны были форсировать Днепр и ударить в тыл фон Даму, одновременно не позволяя рейтарам д'Эберта прийти на помощь пехотинцам фон Дама. Однако перегруппировка неприятеля не осталась незамеченной, и когда утром польская пехота атаковала шанцы фон Дама, она встретила ожесточенное сопротивление. Не слишком удачными были действия и запорожцев, подкрепленных польскими конными хоругвями. Позднее полковник д'Эберт, требуя прибавки жалования своим людям, в челобитной писал, что «сентября в 18 д. приходили польские и литовские и немецкие люди из обозу королевского и из города на мой обоз, да Индрика Фандама на шанцы, гусары, и рейтары и пехота немецкая гайдуки на утренней заре; и милостию Божию и твоим государским счастьем побили у них многих людей, и я своим полком их конных людей, гусар и рейтар, многих побил, и в реку потоптал и за реку за Днепр прогнал». Успех сопутствовал русским и во второй, послеполуденной, схватке [1, с. 536].

Однако эта победа оказалась, по замечанию русского историка Д.И. Иловайского, автора одного из лучших очерков по истории Смоленской войны, бесплодной [9, с. 392]. Атака 18 сентября показала, чего стремится добиться король, равно как стало понятно, что, имея свободу маневра и используя Смоленск как опору, Владислав сможет легко расщепить русский оборонительный периметр в любом месте и одержать верх над отрезанной от остальных русских войск частью. Ночью Прозоровский с великой поспешностью покинул свой лагерь и отступил на соединение с Шеиным. Вслед за лагерем Прозоровского были эвакуированы шанцы, занятые солдатскими полками к югу и юго-востоку от Смоленска. 24 сентября 1633 г. вся русская армия (вернее, то, что от нее осталось) сконцентрировалась в излучине Днепра восточнее Смоленска. Здесь был обустроен новый лагерь, в котором теперь уже Шеин решил дожидаться подхода новой армии из Москвы. Решение о польке дополнительных сил к Смоленску было принято 10 сентября, сразу после того, как были получе-

ны известия о подходе Владислава с армией к осажденному городу и о первых боях между Шеиным и свежими неприятельскими силами. 18 же октября 1633 г. Михаил Федорович приговорил с боярами отправить на помощь Шеину новую рать, командование над которой было поручено князьям Д.М. Черкасскому и Д.М. Пожарскому (герою Смутного времени).

Однако, к несчастью, 1 октября 1633 г. внезапно скончался патриарх Филарет, сломленный сыпавшимися на него в последние недели плохими вестями [8, стб. 348, 349]. И с его смертью воля Москвы к продолжению борьбы иссякла. Драгоценное время шло, а помощная рать все никак не могла собраться. Воеводы местничали, дети боярские не торопились съезжаться в пункты сбора, а те, что прибывали, были «худы и безконны». «Январь 1634 года. Шеин близок к поражению, а под Можайском [там, где встали Черкасский с Пожарским. — В. П.] счет ратников идет на сотни. Февраль 1634 года, Шеин начал переговоры с поляками о выводе армии из-под Смоленска, а у Черкасского с Пожарским под рукой — 3–5 тыс. бойцов, набранных судорожными усилиями правительства» [6, с. 295]. Так печально оценивал ситуацию в начале 1634 г. со сбором нового войска отечественный историк Д.М. Володихин.

А под Смоленском, пока в Москве вяло пытались сделать хоть что-то для продолжения войны, дела шли все хуже и хуже. В конце сентября 1633 г. 6-тыс. конный отряд королевского войска под началом каменецкого кастеляна А. Пясечинского внезапно атаковал Дорогобуж. И хотя дорогобужский кремль ему взять не удалось, однако посад был выжжен поляками и казаками дотла вместе со всеми запасами провианта, фуража и амуниции, собранными здесь для армии Шеина. Затем 5 октября Владислав с главными силами своего войска покинул свой лагерь на Покровской горе и начал маневр с целью обойти по правому берегу Днепра лагерь Шеина и занять господствующую над ним Жаворонкову гору, откуда польская артиллерия из-за реки могла обстреливать русские шанцы. 8 октября маневр завершился, и на горе были установлены польские пушки. Шеин, проморгавший королевский марш-маневр, спохватился, и 9 октября попытался кон-

траковать. Под прикрытием огня русской артиллерии солдатские полки и конные сотни детей боярских переправились через Днепр, построились в боевой порядок (пехота — справа, конница — слева), и перешли в наступление. Бой с переменным успехом шел до самой темноты, и лишь после того, как польская конница сумела опрокинуть русскую и отбросить ее к переправе через Днепр, русская пехота, медленно, в полном порядке, отстреливаясь от нападающей неприятельской пехоты и конницы, отступила в лагерь.

Потерпев неудачу в попытке занять Жаворонкову гору, Шеин окончательно отказался от каких-либо активных действий и сел в «осаду». Очень скоро в блокированном лагере стали испытывать нехватку провианта и дров, закончился фураж, а вслед за этим начался падеж лошадей. Болезни и дезертирство косили ряды шеинского войска. Шансы на успешный прорыв упали практически до нуля, а тут еще наряд, сковывавший движения русского войска, и бросить его было нельзя. Вся надежда была на Черкасского и Пожарского, но, как уже было показано выше, им было не с кем и не с чем выступить на помощь Шеину. Пытаясь спасти хоть что-нибудь, блокированный в своем лагере воевода был вынужден вступить в переговоры с Владиславом. 16 февраля 1634 г. капитуляция была подписана. Шеин с остатками своего войска, сохраняющим личное оружие и знаме-

на, но без артиллерии и всего военного снаряжения, мог отступить в русские пределы, дав обещание вместе со своими начальными людьми и ратниками в течение 4-х месяцев не участвовать в боевых действиях. 19 февраля 8 тыс. русских во главе со своими воеводами и полковниками покинули лагерь, в котором осталось до выздоровления еще около 2 тыс. больных, и, исполнив предписанный условиями капитуляции унижительный обряд преклонения воевод и знамен перед торжествующими победителями, 20 февраля двинулись в обратный путь к Москве.

Так печально закончилась Смоленская эпопея. Война продолжалась еще некоторое время. Владислав, одержавший победу, попытался было развить успех, но уперся в небольшую крепость Белую, где воеводствовал решительный и бесстрашный князь Ф.Ф. Волконский. Имея под рукой меньше 1-й тыс. ратных людей, он ответил отказом на предложение последовать примеру Шеина, заявив королевским посланцам, что «мне, князю Волконскому, Шеин не в образец», и сел в осаду «на смерть». «И стоял король под городом 8 недель и 3 дня. И видя, что многих у себя в полках людей потерял, а города не взял и никакой прелестью не прельстил, отошел от города», — писал русский летописец [4, с. 361].

Встретившись со столь упорным сопротивлением небольшой крепостцы, понеся большие по-

тери и не имея возможности продолжать войну дальше («с юга турецкий султан двинулся к пределам Польши; на севере истек срок перемирия со Швецией; войско роптало на неуплату жалованья; неудача под Белой значительно ослабила впечатления смоленского торжества» [9, с. 427]), король Речи Посполитой был вынужден ускорить завершение начавшихся еще весной 1634 г. переговоров о мире. Мир был подписан в июне 1634 г. после тяжелых, изнурительных переговоров. Речь Посполитая удержала за собой Смоленск и все города, кроме Серпейска, которые русские взяли в начале войны, но взамен Владислав отказался от претензий на русский престол и обязался вернуть «избирательную грамоту», согласно которой он считал себя московским царем (кстати, эту грамоту поляки не вернули, сохранив ее на то, что она потеряна). Одним словом, война фактически закончилась вничью, и условия мира не удовлетворили ни одну из сторон. А Шеин, обвиненный по возвращению из-под Смоленска в Москву в измене, был казнен вместе с А. Измайловым и его сыном Василием. На них была возложена вся вина за провал смоленской экспедиции, на которую возлагались летом 1632 г. в Москве такие надежды. А Смоленск был возвращен под «высокую царскую руку» спустя 20 лет, при сыне Михаила Федоровича Алексее Михайловиче, в самом начале новой русско-польской войны. ■

Источники

1. Акты Московского государства. Т. 1. СПб., 1890.
2. Акты, относящиеся до истории Западной России, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. Т. III. СПб., 1836.
3. Акты, относящиеся к истории земских соборов. М., 1909.
4. Богданов А.П. Русские патриархи. Т. I. М., 1999.
5. Волков В.А. Войны и войска Московского государства. М., 2004.
6. Володихин Д.М. Пожарский. М., 2012.
7. Воробьев В.М. Из истории поместного войска в условиях послесмутного времени (на примере новгородских служилых городов) // Исторический опыт русского народа и современность. СПб., 1994. С. 82–91.
8. Дворцовые разряды. Т. II (с 1628 по 1645 г.). СПб., 1851.
9. Иловайский Д.И. Новая династия. М., 2003.
10. История внешней политики России. Конец XV–XVII в. (от свержения ордынского ига до Северной войны). М., 1999.
11. Книги разрядные по официальным оных спискам. Т. II. СПб., 1855.
12. Козляков В.Н. Михаил Федорович. М., 2004.
13. Меньшиков Д.Н. Боевая сила армии М.Б. Шеина в Смоленском походе 1632–1634 годов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2008. Вып. 4. Ч. 1. С. 10–16.
14. Меньшиков Д.Н. «Затишье» перед бурей. Боевые действия под Смоленском в июле–августе 1633 года // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Материалы Международной научно-практической конференции. В 2 ч. Ч. 2. СПб., 2010. С. 105–119.
15. Меньшиков Д.Н. Подготовка и начало Смоленского похода М.Б. Шеина (лето–осень 1632 г.) // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Т. II. СПб., 2008. С. 398–406.
16. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.-Л., 1948.
17. Отрывки дневника о войне царя Михаила Федоровича с польским королем Владиславом 1632–634 // Русская историческая библиотека. Т. I. СПб., 1872. Стб. 721–744.
18. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. I. (1487–1533) // Сборник Императорского Русского Исторического общества (СБРИО). Т. 35. СПб., 1882.
19. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. II (1533–1560) // СБРИО. Вып. 59. СПб., 1887.
20. Петров К.В. Новые источники по истории Смоленской войны // Очерки феодальной России. Вып. 4. М., 2000. С. 116–131.
21. Поришев Б.Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976.
22. Разрядная книга 1550–1636. Т. II. Вып. 2. М., 1975.
23. Собрание государственных грамот и договоров. Ч. III. Отд. 1. СПб., 1822.
24. Сташевский Е.Д. Смоленская война 1632–1634. Организация и состояние московской армии. Киев, 1919.
25. Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978.
26. Чернов А.В. Вооруженные силы русского государства в XV–XVII вв. М., 1954.
27. Kupish D. Smoleńsk 1632–1634. Warszawa, 2001.